

“наши люди не проходят теста деньгами”

Евгений Евтушенко — Газете

Газета 2003-17 июля — с. 5.

Завтра Евгений Евтушенко празднует свой семидесятый день рождения. В канун юбилея он согласился ответить на несколько вопросов обозревателя Газеты Николая Александрова.

Сразу после вечера в Политехническом музее вы уезжаете в Грузию. С чем это связано?

Первое, что я хочу вам сказать. Существуют традиционные отношения русской и грузинской поэзии. Я думаю, что история человечества не знала подобной взаимной любви двух поэзий, как между грузинской и русской поэзиями. У меня есть такие строчки, вернее, двустишие:

*Про Грузию забыть неосторожно,
Поэтом быть в России невозможно.*

Очень трудно найти какого-нибудь читающего грузина, который бы не помнил эти строчки. Давайте сделаем чуть-чуть экскурс в прошлое. Вспомним стихи Пушкина о Грузии, и стихи Лермонтова, и судьбу Грибоедова, который женился даже на грузинке Чавчавадзе. Вспомним, что Маяковский родился в Грузии, — Грузия нам подарила одного из величайших русских поэтов. Есенин писал о Грузии. У него замечательные стихи. Арсений Тарковский писал о Грузии очень много.

Если говорить о нашем поколении — поколении шестидесятников, — замечательные стихи о Грузии есть и у Вознесенского, и у Ахмадулиной. А Булат Окуджава — это тоже вообще-то грузин по рождению!

Визитную карточку в теплую землю зарю...

«когда нас, поэтов-шестидесятников, здесь уничтожали и топтали, мы всегда были привечаемы в Грузии»

Кто сейчас не знает из русских этой поэзии? То есть это была традиция. А тогда, кстати, в сталинские времена... Вот, скажем, возьмем историю Пастернака. Он очень дружил с Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили.

И когда Тициана Табидзе арестовали... Паоло Яшвили застрелили, а Тициана Табидзе, его же, ну согласно рассказам, которые ходят, его просто топтали. Его заставлял начальник тюрьмы танцевать лезгинку на тюремном дворе. И когда он отказался, то вырыли яму по указу начальника тюрьмы и зарыли его живого. И заставили других заключенных плясать. И говорят, что две ночи еще из ямы раздавались стоны Табидзе. Земля все-таки воздух пропускала...

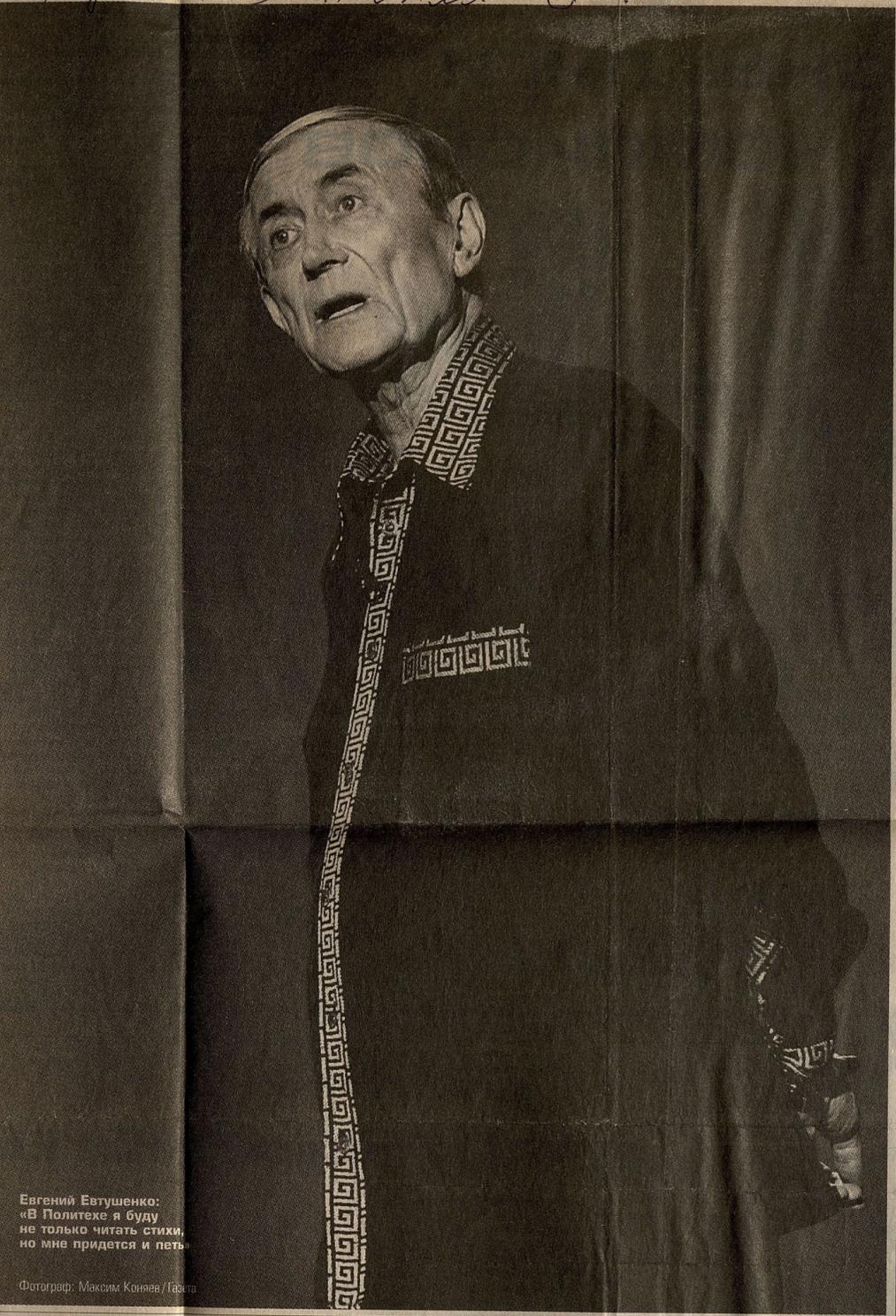
И Пастернак тогда, несмотря на то что Тициан Табидзе назван был врагом народа и он сам находился в тяжелом материальном положении, все время отправлял деньги Нине Табидзе — вдове Тициана. То есть мы как-то поддерживали грузинских поэтов в тяжелые для них времена. И наоборот. Когда нас, поэтов-шестидесятников, здесь уничтожали и топтали, мы всегда были привечаемы в Грузии.

Между прочим, хочу всем сказать, что Шеварднадзе, когда он еще был секретарем комсомола, он — я думаю, это был 1954 год — устраивал мои первые выступления в Грузии. Существует такой Совет по грузинской литературе, его возглавлял Константин Симонов долгое время. И потом, после его смерти — мне оказали такую высокую честь — я возглавлял этот Совет. Приезжали грузинские поэты, я устраивал их выступления здесь. И не только в Москве. В то же самое время в Грузии наших поэтов, которые были здесь, принимали как желаннейших гостей. Когда у нас не выходили книги, когда распылился набор, в Грузии выходили книги Вознесенского, и Беллы Ахмадулиной, и мои. Это всегда была какая-то взаимная поддержка.

Мало кто знает историю замечательного фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Шеварднадзе, бывший первым человеком в Грузии (он тогда стал уже министром иностранных дел Советского Союза), заказал этот фильм, поддерживал и финансировал его. И он очень рисковал. А вот когда он уже приехал сюда... Удивительная вещь. Вот он точно все понял. Потому что русские распространяли такие слухи, что якобы у грузин были какие-то привилегии во времена сталинизма, потому что Сталин был грузин. А это была неправда. Потому что в Грузии в процентном отношении было уничтожено больше людей, чем в России, как врагов народа. И вот Эдуард Амворосевич (он рисковал вообще человеком), будучи даже министром иностранных дел, финансировал этот фильм. Вдруг произошло такое удивительное событие. То есть полное лицемерие. Когда сказали, что мы не можем показать фильм здесь, потому что это приведет к ухудшению грузинско-русских отношений. Эдуард Амворосевич точно высказал это все — и фильм в Грузии-то показывали, и не было никакого скандала. То есть были люди, которым это не нравилось, но скандала не было. А в Москве не хотели показывать — наши русские отечественные сталинисты. И Эдуард Амворосевич очень хотел, чтобы все-таки фильм пошел у нас.

«у меня сожгли мой собственный дом, где я написал «Братскую ГЭС»»

Вообще я его видел в разные моменты жизни — очень тяжелой жизни. И сейчас его вижу в очень тяжелой ситуации. Сейчас пытаются создать легенду, что он якобы антирусский человек, проамериканский. Чепуха это просто полная. Это человек, который очень любит русский народ, русскую литературу. И сделал очень много, когда был секретарем ЦК Грузии. Ему досталось очень тяжело наследие после Гамсахурдиа. Его обманули в вопросе Абхазии. И здесь участвовали некоторые наши генералы, которые ради обещанных им дач устроили этот конфликт. И я помню, как снаряды, посылаемые из Сухуми, к несчастью, орудий, долетали до Нахуши. Я это все видел. Я жил в Абхазии. У меня был дом там, и для меня это было невероятной трагедией. Я знал, что между грузинами и абхазцами

Евгений Евтушенко: «В Политехе я буду не только читать стихи, но мне придется и петь»

Фотограф: Максим Коляев / Газета

существуют некоторые противоречия, но люди жили мирно, ходили друг к другу на дни рождения, на свадьбы. В общем нормально. Но, к сожалению, и в Абхазии, и в Грузии нашлись экстремисты, националисты, отморозки, я бы даже сказал — политические, которые не думали о будущем ни Абхазии, ни Грузии, и довели до вооруженного конфликта отношения между двумя народами. Я считаю, что наша сторона не лучшим образом участвовала... То есть как бы не участвовала, а на самом деле «подводно» участвовала.

Я очень люблю и абхазов, и грузин — и те и другие для меня братья. Я переводил и абхазских, и грузинских поэтов. И у меня и там и там друзья. И когда они начали убивать друг друга, для меня это было — ну просто страшная внутренняя боль, и до сих пор абхазский вопрос висит в воздухе. У меня сожгли мой собственный дом, где я написал «Братскую ГЭС», между прочим, и лучшие северные стихи. Я там жил довольно долго... Его сожгли, разобрали. Но дело не во мне, а дело в том, что сотни тысяч таких домов были разграблены. Был превращен в абсолютную казнь — развалился скелет дом «Литературной газеты». Я был в прошлом году в Абхазии, и моя машина, сопровождаемая военным комиссаром города Сочи, доехала до Гублярки за 55 минут, что было просто невероятно. Потому что мы не встретили ни одной машины, кроме одного шестистопного «Мерседеса», где сидели до зубов вооруженные молодые отморозки с автоматами Калашникова попеременно пиджаков от Версаке. Все практически дома отдыха, за исключением Пицунды, по пути следования были разрушены. Кстати, эти дома отдыха были собственностью советской, общей. Это большая трагедия. И я считаю, в нашей политике по отношению к Кавказу наши официальные намерения непрозрачны. Надо их довести до прозрачности — что мы хотим, что надо сделать. И тогда ситуация в Закавказье нормализуется.

«я, в общем, везде был за исключением только одного села — Хванчкара»

Почему я так сейчас счастлив, что лечу в Грузию, — потому что это высочайшая честь для меня. Потому что Маяковский, несмотря на все заявления циников, антишестидесятников типа Виктора Еришова, которые называли Маяковского «лакеем большевиков» и другими гнусными терминами, — это великий поэт. Вот только взять хотя бы «Облако в штанах». «Облако в штанах» находится на уровне Петрушки и Данте, с моей точки зрения. Он был все-

гда моим любимым поэтом. Это не означает, что я не критически к нему отношусь, но я его обожаю. Это величайший поэт. Даже Пастернак и Ахматова, и Цветаева это признавали. И вот то, что сейчас грузинам пришло в голову, это так трогает меня. Мне предложили отпраздновать мой день рождения 18 июля в Политехе и приехать в Багдади на юбилей Маяковского 19-го. Это замечательное место, где Маяковский забирался в огромные глиняные сосуды и читал, пробуя свой голос, где он бродил по тропинкам. Понимаете — это огромная честь для меня, и кроме того, это так важно, если сейчас говорить о том, что мы никак не можем найти, наши политики не могут найти полного взаимопонимания. Вот, кстати, грузин обвиняют сейчас в том, что они хотят вступить в НАТО. Но простите меня, я сам слышал своими ушами, как Владимир Владимирович Путин сказал, что мы тоже в будущем не против того, чтобы присоединиться к НАТО. Я не понимаю, почему, если наша страна делает такие заявления, вызывает одновременно такую ярость со стороны наших националистов, подобные же заявления грузинской стороны. Кстати, Шеварднадзе — я виделся с ним два года назад в последний раз. Это старые друзья, — мне просто сказал: «Женя, мне столько раз обещал Ельцин, что проблема Абхазии будет решена. Это ключевая проблема сегодняшней нервозности. И когда меня обманывали, обманывали, обманывали столько раз на таком высоком уровне. Ну а что же делать?.. Я должен был как-то закрепиться». То есть он мне это совершенно искренне говорил. Поэтому я придаю этой поездке огромное значение, надежду, что, может быть, это будет небольшим мостиком к тому, чтобы взаимотношения между Грузией и Россией улучшились. Это первое практическое такое огромное мероприятие в честь русской и одновременно грузинской культуры, в котором будут принимать участие и выдающиеся писатели.

Конечно, есть экстремисты, но... Два с половиной года назад я посетил Грузию в последний раз. Вот я вам скажу так. Вот если знаю, что я Евтушенко, — это уже особый случай. Это уже даже не показатель, как люди относятся к народу как целому, хотя я его поэт, русского народа. А вы знаете, вот по пути моего следования меня спросил Эдуард Амворосевич: «Женя, а вы хотите куда-нибудь съездить, где вы еще не были в Грузии?». Я говорю: «Эдуард Амворосевич, я, в общем, везде был за исключением только одного села — Хванчкара». Потому что — правда. Я еще со сталинских времен пил это замечательное вино и даже забыл его вкус, потому что очень много подделок «Хванчкары». Вся территория бывшая СНГ от Петербурга до Дальнего Востока завалена просто «Хванчкарой», в то время как это практически склон горы один. Он улынулся, сказал: «Конечно, поезжайте». Я туда

поехал. Мы ехали туда долго с друзьями моими грузинскими. И вот мы когда останавливались, чтобы перекусить или там что-то, люди не знали... то есть некоторые узнавали меня, а некоторые не узнавали. Они просто слышали русский язык и вдруг подходили. Они говорили: божья мой, вы знаете, как мы скучаем по русскому языку, как мало русских сейчас к нам приезжает. Какое-то недопонимание между нами образовалось. И не потому, что я Евтушенко, но вот люди самые простые, разных профессий — инженеры, крестьяне — они просто обнимали и говорили хорошие слова. Тоска по этому духовному воссоединению и боязнь того, что наши связи порвутся окончательно, она очень сильна в Грузии. А уж что касается нас, тоже — спросите у кого угодно из культурных людей, мало-мальский знающих историю наших взаимоотношений. И, конечно, это обоюдно. Я считаю, что, может быть, вот это мероприятие, оно поможет, нам снова напомним, какие невероятные сокровища, созданные дружбой наших народов существуют, даны как нельзя разделить, мы неразделимы. А если мы разделились, совсем позабудем друг друга — это будет ужасно и для Грузии, и для России.

Какой ваш день рождения вам наиболее памятен?
Самый мой памятный день рождения будет вот этот. Будет. Серьезно говорю. Такого подарка мне ко дню рождения, как приглашение в Багдади, чтобы съездить на дни рождения с Маяковским, — у меня никогда не было. И, кстати, мне самому никогда в голову не приходило, что кто-то может вспомнить об этом, подумать. Это невероятно.

«я дружил с Ладом Гудиашвили, великим художником»

Когда мои друзья в Грузии подсчитали — я перевел, наверное, двадцать тысяч строк грузинских поэтов. Там был замечательный такой Музей дружбы народов, в котором, кстати, лежала книжка Анны Антоновской «Великий Муравьи». Эта книга принадлежала солдату. Во время войны он ехал на фронт и читал эту книгу. И поезд был обстрелян. И пуля застряла в этой книге, в книге русской писательницы, воспевавшей подвиг замечательного грузинского полководца. И когда я увидел эту книгу, русскую книгу, которая спасла жизнь грузинскому солдату, — я написал стихи. Я дружил с Ладом Гудиашвили, великим художником. Когда я познакомился с Ладом, еще в 1955 году, — он был в большой опале. И я написал, посетил церковь Кошуты, о нем стихи. Для того чтобы напечатать это, предпринял такой трюк веселый.

Я сообщил редакции «Комсомольской правды», куда я отдал стихи, что Лад Гудиашвили — это был средневековый художник, который расписал церковь Кошуты. И якобы эта роспись не понравилась духовенству и поэтому не была закончена. И там были такие строчки. Я вот помню на память, у меня книжки никакой в руках нет. «Церковь Кошуты» это называется. Это 1955 год. (Декламирует.)

*Не уминаясь в жестких догмах,
Передо мной вознесена
В неблагодарных, в неудобных,
В святых и ангелах стена.*

*Но понимаю, пряча робость,
Я, неразбуженный дикарь,
Не часть огромной церкви роспись,
А церковь — роспись и деталь.*

*Рука Лад Гудиашвили
Изобразила на стене
Людей, которые грешили,
А не витали в вышине.*

*Он не хулиган, не насмешник,
Он сам такой же теркой терт.
Он то ли Бог, а то ли грешник,
Он то ли ангел, то ли черт.*

*И мы — художники, поэты,
Творцы подслупных перемен,
Как эту церковь Кошуты,
Размалевали столько стен!*

*Мы, лицедеи богамы,
Дурили головы господ:
Мы умудрялись брать заказы,
А делать все наоборот.*

*И как собой ни рисковали,
Как ни страдали от врагов —
Богов людьми мы рисовали
И в людях видели богов.*

Ну это было, знаете... Когда это напечатала газета «Комсомольская правда», ну это было вообще просто. Вся Грузия улыбалась и смеялась, но была счастлива. И вот тут случился перелом в судьбе Гудиашвили после этого стихотворения. Уже некуда было отступить, и уже начали делать его большие выставки.

И еще. Был такой грузинский поэт Мухран Мачавариани. Его начали преследовать за национализм. Ну, немножко в нем это было, но не настолько, чтобы его преследовать. В конце концов и меня можно в национализме обвинить. Наверное. Я ведь все-таки написал: «Если будет Россия, значит, буду и я». Или «Хотят ли русские войны». Знаете, в любом национальном поэте национализм должен быть. Но это национализм не который унижает все другие нации, а национализм, который воспитан, взращен национальной культурой и в то же время впитывает в себя все лучшее, что было в мире, и распространяет свою любовь не только на собственную страну, а на все. Вот то, что было в Пушкине.

Вот Пушкин, кстати, — лучшая самая модель человека будущего, потому что Пушкин одновременно был и славянофилом, и западником. Он взял все лучшее, что было в западной культуре. Его «Маленькие трагедии» написаны, безусловно, под влиянием Шекспира, которым он тогда зачитывался. А в то же время при всем его африканском темпераменте он был воспитан Ариной Родионовной, которая была, может быть, не меньшим поэтом, чем он, русским фольклором, русской историей. Поэтому я считаю, что мы сейчас невозможно перестали быть интернационалистами, очень многие из нас. Интернационализм у нас часто был ложным. Я как-то написал такие строчки: «несчастные иностранцы быть не может». Вот так я понимаю интернационализм.

Евгений Александрович, вы стали говорить о Мухране Мачавариани...
А Мухран попал в тяжелую ситуацию. Он редактировал журнал такой, что-то вроде нашего «Окстра», журнал для подростков. Поэту трудно было жить только на стихи. Его хотели увольнять. Я спросил своих грузинских друзей, что его может спасти. Уже почти подписан был приказ об увольнении. Мне говорят: ну вот если бы такое чудо случилось, что в «Правде» напечатали его стихи...

И тогда я сочинил за Мухрана Мачавариани одно стихотворение, потому что его упрекли в том, что у него не было ни одной строки о партии. Я написал за него — с его разрешения, разумеется. Весело написал...

*О партии впервые я пишу
Я медленно пишу, я не спешу...*

И так далее. Такое веселое и даже неплохое стихотворение. Это напечатали в «Правде», и его оставили в покое. То есть они нам помогли — мы помогли им. Это были драгоценные взаимоотношения. Сейчас мы теряем друг друга. Больше переводим. Слава Богу, что существует журнал «Дружба народов». Но тираж его — позорно маленький.

Евгений Александрович, я знаю, что вы сейчас усиленно работаете над антологией русской поэзии начиная со «Слова о полку Игореве». У вас остается время на собственные стихи?

Только что я и написал стихи «Ленинградская симфония», которые были прочитаны. Они должны выйти в «Новой газете». Я читал их в Ленинграде под аккомпанемент замечательного тмиркановского оркестра. Я пишу стихотворения. И кроме того, сама антология. Я везу на свои плечи непосильную ношу. Дело в том, что я делаю. Практически антологию делают два человека. Такой литературовед Владимир Радзиевский — дневный знаток и педант. Потому что я могу допустить какую-то неточность в датах. Это трехтомная антология. Каждый том будет примерно по тысяче страниц. Первый том полностью закончен — он кончается Пушкиным.

А когда он выйдет?

Ну, вот вы меня спрашиваете. Наверное, если бы не было этого дурацкого юбилея, он бы уже вышел. Ну то делать. Я люблю читать стихи. Когда меня приглашают, я не впряме отдаю свое. Сейчас я в конце второго тома. Я гдето в Иннокентий Анненский и Соллогуб сейчас. Я выбираю поэтов, потом я выбираю стихи поэтов. Потом я пишу эссе по каждому. Но потом я еще придумал писать маленькие стихотворения каждому поэту. То есть вы представляете, что это такое. То есть я уже штук восемьдесят стихов написал. Иногда я использую стихи других поэтов. Вот, скажем, я обожаю Пушкина больше

всех на свете. Но у меня нет о нем сильного стихотворения, такой силы, как стихотворение Самойлова «Пестель, поэт и Анна». Это самые сильные стихи, с моей точки зрения. Или, скажем, маленькие стихи Ахматовой — я их оставлю. То есть где я нахожу стихи о поэтах других поэтов, даже лучше, чем я могу написать сам, — я их вставляю. Но о многих поэтах — ведь там многие и неизвестные поэты — мне приходится писать самому. Я думал, что закончу в этом году. Но вы знаете, когда я приехал сюда после преподавания в Штатах, то вдруг обнаружил столько приглашений от чистой души.

«я болел за «Динамо», а Аркадьев был мой любимый тренер»

Значит, сейчас я сначала еду в Грузию. Потом я возвращаюсь 22-го из Грузии в Домодедово. И прямо из Домодедова я прямо еду во Внуково. Прямо. Не заезжая домой, — и лечу в Братск, где будет премьера моего нового издания книги «Братская ГЭС». Кстати, Братская ГЭС снова стала рентабельной. В 1993 году она просто погибала. Сейчас там люди хорошо зарабатывают. А кроме того... Ведь на Братской ГЭС — там было очень много матерей-одиночек. На каждой стройке не хватало людей. А у меня была глава такая, которая называлась «Нюшка», — про такую мать-одиночку. И на первом чтении, когда я закончил читать эту главу, в разных концах зала встали эти женщины и показали мне этих детей. Как бы говоря этим: вот эти они, вы про них писали.

А сейчас мне рассказали, что те ребята, которые переиздали «Братскую ГЭС», — среди них есть двое, которые были на руках матерей на этом первом чтении поэмы в 1964 году. Правда, дивная история. Ну что такое Нобелевская премия по сравнению с такой вещью...

Ну а потом на станцию Зима мы едем. Потом в Иркутск. Никакой большой команды. «Мы» — это просто мои некоторые друзья иркутские. А потом я лечу во Владивосток, где я тоже бродил когда-то в годы моей юности. Я выступаю во Владивостоке, на Сахалине, в бухте Находка, в Хабаровске. А к этому времени... Вот на столе у меня лежит приглашение в Ямало-Ненецкий округ, затем приглашение в Казахстан, где — когда меня вышибли из 607-й школы в Москве — я заработал деньги на свою первую пишущую машинку.

Я очень люблю казахов. У меня там большие друзья — это народный поэт Мухтар Шаханов, Алжас Сулейменов. Они хотят меня видеть. У меня лежит вот сейчас пометра приглашение. Что делать? 3 сентября я должен уезжать в Штаты, потому что у меня там преподавание. Я преподаю русскую поэзию и в данном случае должен читать курс по поэзии русских женщин. А 11 октября у меня будет большой гала-концерт в Кремлевском дворце с двумя симфониями Шостаковича на мои слова. Кстати, в Политехе я буду не только читать стихи, но мне придется и петь. Я буду петь с блистательной совершенно премьерой Мариинского театра — что уже произошло в Ленинграде — Ларисой Юдиной. Кстати, после моего концерта в прошлом году в Кремле мне предложили исполнить главную роль в «Человеке из Ламанча». Я отказался. И потом, мне нужно закончить антологию. Я вот сейчас сижу перед статьей о Зинаиде Гиппиус и надеюсь ее сегодня дописать.

А ваши кинематографические планы? Вы думаете еще что-нибудь снимать?
Мне бы хотелось снять фильм о футболисте сталинских времен. Вы ведь несчастный человек, что смотрите наш русский сегодняшний футбол. Вы даже не представляете, какой у нас был великий футбол в 1945-м, в 1946-м, ну, может быть, до 1951-го года, когда распустили команду ЦСКА, потому что сборная проиграла Югославии. Вы не представляете, что такое были Бобров. Стрельбы были хорошие футболисты, но он был отблеск Боброва. И он сам мне в этом признавался. Я думаю, тогда можно было набрать четыре сборные. А сейчас — вы видите, что делается... А вы знаете почему? Это относится не только к футболу. Мне кажется, что вообще наши люди не проходят теста деньгами. Сколько бы ни получал денег Пеле, он играл всегда вдохновенно и рискованно. Вот представляйте себе, что Евтушенко, который преподавал в Америке, приезжает сюда. И вот я выйду на сцену 18-го числа и буду читать в четверть голоса, в четверть силы, для того чтобы сберець своей кошельком ненаглядный для иностранных контактов. Вы не можете себе это представить. А для меня выступление на родине... То есть я и там читаю на полную катушку, потому что там тоже мои читатели.

Я люблю людей вообще. Я русский человек, но человечество — это моя родина. И я и там читаю на полную катушку, и здесь. А особенно здесь, когда особое, двойное волнение. Чтобы показать себя понострашному. Чтобы отвернуть всякие гнусные слепни — что вот, погнался за длинным долларом. Если б я не преподавал в Америке сейчас, а бы никогда не делал антологию «Строфы XX века». Вообще, чем человек щедрей, тем он защищенней и тем он становится сильнее. А эти люди не понимают, к сожалению. Посмотрите, у нас нет сейчас ни одного интеллектуального тренера в футболе. Ни одного! У нас нет таких людей, каким был Аркадьев. Я болел за «Динамо», а Аркадьев был мой любимый тренер. Хomic — он играл в «Динамо» — был мой любимый вратарь. А Бобров был мой любимый футболист. А Сережа Сальников — которого я тоже обожаю — вообще шарил Пастернака на память, кусками. Даже в сталинское время. Но вообще одну вещь я хочу сказать обнадлежающую. Что сейчас больше и больше молодых людей на поэтических чтениях. Они уже затосковали по чему-то настоящему. Поэтому-то я, слывая голос, и везу по всей стране. А вовсе не из-за денег или там чего-то еще. И продолжаю читать стихи, не сдаваясь и веря в эту могучую силу слов, о которых Маяковский сказал. (Декламирует.)

*Я верю в силу слов, я верю в слов набат,
Они не те, которые бухают из ложки,
От слов таких срываются зроба
Шатают четверкою своих дубовых ножек.*

*Бывает, выбросит, не напечатан, не издаст,
Но слово мчится, поднимая подбрызг,
Звонят года, и подползает поэзия
Лизать поэзии молистые буки.*

Евтушенко В. А.

17.07.03